
Научная статья
УДК 94 (470. 64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

МАРГЪУЩЕЙ И ШХАГСКОЕ СОДРУЖЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ ХАДЖРЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ 1822 г.

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2021

Аннотация. В историческом кавказоведении наблюдается отчетливый консенсус относительно понимания хронологической отметки 1822 г. как поворотной вехи в истории Черкесии, когда произошло установление имперского контроля на большей части территорий шхагских княжеств (за исключением кубанского левобережья) вызвавшее массовое переселение жителей Большой Кабарды и Талостанея на кубанское левобережье. Эти события не единожды становились предметом активного интереса исследователей. В настоящей работе предпринимается попытка осмысления тех аспектов процесса формирования массива кабардинского населения в Восточном Закубанье, которые до настоящего времени не оказывались в фокусе исследовательского внимания. В статье оно сосредоточено на выяснении роли таких самостоятельных, и, в то же время, взаимосвязанных факторов хаджретской эвакуации начала 20-х гг. XIX в., как присутствие на кубанском левобережье кабардинского села Маргъушей и Шхагского содружества двух восточночеркесских княжеств – Большой Кабарды и Бесленея.

Ключевые слова: Маргъушей, Большая Кабарда, Бесленей, Шхагское содружество, хаджреты, миграция, военные действия, российское командование

Для цитирования: Алоев Т.Х. Маргъушей и Шхагское содружество как элементы инфраструктуры хаджретской эвакуации 1822 г. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 27–34. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

Original article

MARGHUSHCHEY AND THE SHKHAG COMMUNITY AS ELEMENTS OF THE INFRASTRUCTURE OF THE HAJRET EVACUATION OF 1822

Timur H. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2021

Abstract. There is a clear consensus in historical Caucasian studies regarding the understanding of the chronological mark of 1822 as a turning point in the history of Chircassia. Obviously, we are talking about the establishment of imperial control over most of the territories of the Shkhaga principalities (with the exception of the Kuban left bank) and the resulting massive resettlement of the inhabitants of Great Kabarda and Talostanei to the Kuban left bank. These events more than once became the subject of active interest of researchers. In this work, an attempt is made to comprehend those aspects of the formation

of the mass of the kabardian population in the Eastern Trans-Kuban region, which until now have not been in the focus of research attention. In the article, it focuses on the role of such independent factors as independent time, factors of the hajret evacuation of the early 20s. XIX century. As the presence on the Kuban left bank of the kabardian village of Margushchey and the Shkhag's community of two Eastern Chircassian principalities – Great Kabarda and Beslenei. Accordingly, such tasks led to a two-part composition of the work.

Keywords: Margushchey, Great Kabarda, Beslenei, Shkhag's commonwealth, hajrets, migration, military operations, russian command

For citation: Alov T.H. Marghushchey and the Shkhag community as elements of the infrastructure of the Hajret evacuation of 1822. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 27–34. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

Заключительным аккордом череды военных операций в рамках «ермоловского натиска» на Кабарду стал очередной погром аула Маргъущей летом 1822 г. Группировка войск под командованием генерал-майора Вельяминова атаковала его и «после сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены» [Потто 1904: 58]. Подобному исходу военной акции предшествовала следующая постановка задачи: «Во-первых[,] помешать бежавшим кабардинцам увести свои семьи, а во вторых[,] истребить аул Маргъушева, сделавшийся в последнее время разбойничьим притоном **всех** мятежных князей (выделено нами. –Т.А.)». К этому времени «Маргъушевская деревня» уже достаточно продолжительное время воспринималась российским командованием как источник нестабильности и, локация, в которой аккумулировались враждебные ему силы. Не позже, чем с 1813 г. это село стало местом притяжения (и оседания) наиболее последовательных противников российского продвижения в стране (князя Адильгеруюко Магомет, Бесланок Джамбот, Ажджеруюко Кушук, Казуюко Карачай). Таким образом, Маргъущей стал важным пунктом сосредоточения «наиболее «пассионарной» части кабардинской аристократии и ключевым звеном в устойчивой коммуникации разных областей Черкесии [Алов 2020: 221]. Обозначенная же целеустановка российского командования обнаруживает то обстоятельство, что и в экстремальных условиях военной кампании 1822 г. (в течение которой вотчина черкесских урков дважды подверглась истреблению) Маргъущей оставался устойчивым очагом резистенции.

Наиболее зримым выражением установки на сопротивление, наряду с открытым противодействием развернутому на центральную Кабарду наступлению, было действительное участие в эвакуации ее населения на левобережную Кубань в 1822 г. Собственно, ее организация и «логистическое» обеспечение даже без участия в военных операциях были актом открытой враждебности имперскому курсу. Однако, в конкретных обстоятельствах военной кампании 1822 г. эти две линии активности составляли единый *modus operandi*. На этом фоне к оценке Маргъущей, как «притону» уже **всех** «мятежных князей» следует относиться не как к заведомой гиперболе, вызванной ситуационной озабоченностью противника, а как к адекватной аттестации сформировавшегося в условиях турбуленций 1822 г. явственно опознаваемого и географически локализуемого центра хаджретской Альтернативы. Из такой оценки проистекает то, что на определенное (пусть и непродолжительное) время Маргъущей стал, своего рода операционной базой хаджретского движения. Скопом причисленные к маргъушевцам «мятежные князя» – протагонисты сопротивления в центре Большой Кабарды географически слабо были привязаны к своему «притону» и осуществляли военные акции, в основном, в отдаленных от него районах. И все же действия Хатокшоко Таусултана, Бесланок Асланбека, Касай Исмаила, Хатокшоко Джамбулата и других значимых фигур ведущего восточнчеркесского княжества с момента возобновления открытого военного противостояния с конца 1821 г. были конгруэнтны маргъушевским («Чтобы облегчить эмигрантам путь и скорее принять их под свою защиту, значительная

партии горцев, предводимые известными князьями Тау-Султаном Атажукиным и Измаилом Касаевым вошли в наши пределы и заняли ущелья Баксана, Чегема и Черка») [Потто 1904: 66].

При этом диапазон задач, решаемых маргшущевцами, дополнился наряду с привычным планированием и участием в военных акциях на Линии инициативами дипломатического характера. Позитивный потенциал в этом плане обозначился в связи с развернувшимися с начала 1821 г. событиями «Греческой революции». Устоявшийся взгляд российской историографии на эту ситуацию сводится к тому, что «с конца 1821 года, когда между Турцией и Россией возникли несогласия по поводу греческого вопроса, дела на Кубани значительно обострились, и мелкие набеги стали принимать характер уже открытых вторжений. Турецкая пропаганда на Кавказе приняла весьма опасный характер, а занятие Кабарды русскими войсками дало еще больший толчок этому движению. Турция не могла не понимать, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии» [Потто 1904: 101].

В целом в фактографическом плане, схему активизации Порты в Черкесии (с некоторыми уточнениями) можно признать валидной. На фоне обострившихся отношений с Россией актуализация такой установки Стамбула была вполне предсказуема. Вместе с тем взгляд на интенции из Босфора как на единственный (или преобладающий) предиктор активности черкесских политий при каждом обострении российско-османских отношений представляется заведомым преувеличением. Относительно начала 20-х гг. XIX в. будет справедливым признание ограниченности ресурсов османов как каузального фактора выстраивания осторожной внешнеполитической линии. Едва справлявшаяся с греками (а некоторое время, одновременно, и с албанцами) [Петрунина 2010: 156–158] Порта не могла себе позволить провоцировать Россию на войну. Поэтому, желая, скорее не насолить православному «покровителю» бунтующих подданных, а сигнализирова о своей способности осложнить жизнь на южных рубежах своего северного контрагента, Стамбул, разумеется, предпринимал определенные усилия по поддержанию российско-черкесских противоречий в подогретом состоянии, но не обостряя ситуацию до крайности. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что если российско-черкесское противостояние в секторе шхагских (в особенности, в приграничных с Большой Кабардой районах) княжеств нарастало крещендо примерно с 1818 г., то всплеск революционной активности на турецких Балканах отличался взрывным характером. Катаклизм такого масштаба не мог оставаться незамеченным на Кавказе (в отличие от рутинного, вязкого и малозаметного из имперских центров противоборства в Черкесии). По этой причине у черкесов было больше времени и благоприятных условий для выработки осмысленного отношения к событиям на далеких Балканах и последующего встраивания их потенциала в свою повестку. Поэтому неудивительно, что турецкая активность в Черкесии была замечена только лишь, практически спустя год после начала «греческих событий», т.е. «в начале 1822 г.» [Ракович 1900: 48]. И то, что, согласно российским сведениям «первыми на призыв Турции откликнулись кабардинцы» [Ракович 1900: 48], а не ее номинальные закубанские подданные можно проинтерпретировать и в обратной динамике; что это Порта своевременно артикулировала готовность содействия вошедшим в жесткий клинч с Россией черкесским князьям. Возможно, здесь и имел место случай редкого совпадения пропорционального взаимного интереса мусульманской империи и кавказского княжества. Но, во всяком случае, речь не шла о беспрекословном исполнении спущенного Портой предначертания (хоть бы и подкрепленного золотом). Наоборот, в отличие от периодов открытых российско-турецких конфронтаций сопутствуемых заметным повышением активности Стамбула в регионе, черкесы в данной ситуации сами выступали как акторы, успешно вовлекавшие османов в свою актуальную повестку. Можно полагать, что в этом не последнюю роль играли резиденты «Маргшущевского аула».

В частности, речь идет о князе Адильгерияко Магомете. В «именном списке» кабардинских князей и урков – документе, составленном накануне вторжения 1822 г. он фигурирует как самый долгожительствующий резидент Маргъушей с соответствующей аттестацией («Магомет Адилгиреев – живет 8-й год в Маргушевской деревне что на Кубани[,] и есть возмутитель кабардинцев и за Кубанью») [Трансформация... 2017: 30]. Учитывая длительное пребывание на левобережье Кубани и утвердившуюся репутацию деятельного противника России естественно полагать, что за годы пребывания в западной Кабарде Адильгерияко Магомет был удачлив в налаживании устойчивой коммуникаций с потенциальным союзником в Анапе. Во всяком случае очевидно: констатируя, что «князья, бежавшие от нас за Кубань, вместе со своими подвластными... находили покровительство анапского паши» россияне признавали согласованность в действиях двух сторон. Без предварительной информационно-идеологической подготовки («бросили земли и гробы праотцев, скот и имущество единственно, чтобы сохранить исповедуемую... веру» [Потто 1904: 65] и сверки интересов безоговорочная и оперативная артикуляция поддержки со стороны Порты была бы невозможна. Продолжением проактивной линии хаджетов стало и последующее вовлечение османов в свои инициативы. Весной 1823 г. при находившемся в Анапе Адильгерияко Магомете османы приняли решение направить своих чиновников в ставку черкесских князей на Урупе, во главе с Болотоко Джамбулатом (и с подачи хаджетов) аккумуляировавших силы для операций на кубанском правобережье. Сопровождал их князь Магомет [Потто 1904: 116]. Хотя, с практической точки зрения появление османов не прибавляло сил черкесам присутствие представителей мощной державы среди них накануне выступления имело определенный символический, а возможно и морально-психологический смысл. Сам же «маргушевский князь» принял деятельное участие в последующем болезненном для российского командования ударе по Круглолесской. Судя по всему, оказавшись в арьергарде отряда, отступавшего из-под разгромленной станицы он оказался среди тех, кто прикрывал переправу через Кубань в районе Беломечетской. Источник сообщает, что после кровопролитного ночного (под проливным дождем) боя черкесам был нанесен весомый урон. Наряду с другими среди черкесских потерь числились ранеными Карамурза Али и маргушевский резидент Адилгерияко Магомет. [Потто 1904: 119].

Констатируя же, что Маргъушей в рассматриваемый период предстает в качестве важнейшего логистического, символического и политического узла в реализации хаджетской программы будет справедливо и правомерно признать, что одним из определяющих факторов, обеспечивших подобную позицию кабардинского поселения на кубанском левобережье было Шагское содружество Бесленей и Большой Кабарды. Не вдаваясь в подробное описание случаев экспликации этой структуры в диахронной перспективе на протяжении длительного периода, представляется уместным сосредоточение внимания на динамике ее проявления в контексте сюжетов, развернувшихся в Кабарде в 1822 г. Предварительно отметим только, что с начала российско-черкесского противостояния в 1763 г., практически не было ни одной военной кампании, где так или иначе не была заметна вовлеченность Бесленевского княжества в перипетии борьбы Большой Кабарды за свою независимость. Как и в 1763/65, 1774-м, 1779-м, 1804 гг. не стало исключением и время нарастающей конфронтации в условиях «ермоловского натиска» 1822 г.

На данном этапе сложно говорить о более или менее целостном взгляде на бесленевский след в рассматриваемых пертурбациях – источники скупо отражают этот аспект коллизии 1822 г. Однако даже фрагментарных данных достаточно, чтобы диагностировать весьма ощутимую роль западношагского княжества в один из поворотных моментов черкесской истории. Так, уже в разгар кампании, в марте 1822 г. 14 больших аулов («945 дымов») выселившихся на плоскость под гарантии Ермолова подверглись нападению российских войск. По-видимому,

инициаторам данного эксцесса были адресованы недовольство со стороны вышестоящего начальства. Однако жертвам нападения не было от этого легче. Поэтому черкесы «заявили, что готовы принять прокламацию и покориться, но лишь под тем условием, чтобы им дозволено было жить в горах, а в залог своей верности дать только аманатов. В этом им было отказано». Как отмечает Потто «Тогда, составилось народное собрание, в котором присутствовали **закубанские кадий** (выделено нами. – Т.А.) и положено было вырвать у русских это позволение силой...» [Потто 1904: 49].

«Общее народное собрание кабардинцев» происходило в ауле князя Кильчуко Касбулата (Къьсынхъэблэ). «Коцарев 4-го апреля внезапно двинулся к месту этого сорища, которое едва успело разсеяться, но аул Канчукова (т.е. Кильчуко. – Т.А.) был занят и истреблен после горячей перестрелки». Видимо, в соотношении с внушительностью сконцентрированной для этой операции группировки потери противника показались автору не столь впечатляющими, и он не без удивления констатировал: «Замечательно, что кабардинцы потеряли при этом только 15 человек» [Потто 1904: 50]. Однако судя по торжествующей интонации количество было компенсировано «качеством» так как среди них «в том числе находились: старший эфендий кабардинского народа, **бесленевский кадий, прибывший из-за Кубани** (выделено нами. – Т.А.), и **оба сына [Бесланоко] Арслан-бека...**» В связи с такими перипетиями было признано, что «влияние закубанцев на кабардинские волнения не подлежало сомнению». В целях пресечения этого «влияния» командующий Линии генерал-майор Сталь, оперативно организовал одновременное с действиями Коцарева движение отряда полковника Победнова в район верхней Кубани [Потто 1904: 50].

Однако усилия российского командования по отсечению кабардинцев от каналов действенной поддержки со стороны западношхагского ансамбля акторов можно признать безуспешными. Характеризуя сложившееся положение сразу после завершения основной волны хаджретской эвакуации на кубанское левобережье Д.В. Ракович отмечал: «Кабардинские князья, главные наши недруги, продолжали агитировать против нас и... разсылали... ко всем племенам доверенных лиц с призывом к военным действиям». И как он констатировал, «Закубанье как будто только этого и ждало» [Ракович 1900: 51]. Относящийся к первым месяцам хаджретской эвакуации вышеотмеченный погром станицы Круглолесской вне действительного вовлечения в операцию ресурсов Шхагского содружества объясняется с трудом. Не случайно поэтому при разгоревшемся сражении на переправе через Кубань в ходе отступления от Круглолесской бесленевский фактор был весьма ощутим. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что при перечислении потерь противника в российских документах относящихся к данной коллизии, судя по всему, первыми упомянуты «два бесленевских князя» [Потто 1904: 119]. Этот факт согласуется с тем, что вышеупомянутый отклик «закубанцев» сводился к тому, что тогда «Быстро образовалось множество отдельных вооруженных шаек, с некоторыми представителями княжеских фамилий во главе» [Ракович 1900: 51]. Действенность содружества Бесленя и Кабарды в рассматриваемый период явно проявляется не только в превратностях военных перипетий. В условиях масштабной эвакуации кабардинцев в Восточное Закубанье и сопутствующей ей эскалации военных действий в регионе существенно осложнились возможности продовольственного обеспечения жителей шхагских политий. И здесь вместе с кабардинцами, оказавшимися в бедственном положении еще с ранней весны 1822 г., разделили тяготы войны бесленевцы. Они, наряду (и вместе) с кабардинцами стали решать сложную проблему преодоления продовольственного коллапса, вызванного тяжелыми последствиями военной кампании 1822 г. Командующий Линией сообщал Ермолову, «что ногайские мурзы находятся в полном согласии, как с кабардинцами, так и с другими хищными закубанскими народами. Это

подтверждается тем, что имея у себя в этом году прекрасный урожай, они, под видом якобы крайности, усиленно закупают хлеб у наших ногайцев, очевидно передавая его кабардинцам и бесленеевцам, у которых урожая не было» [Потто 1904: 102]. Несколько странно звучит утверждение о том, что у бесленеевцев не было урожая в то время как у их непосредственных соседей – ногайцев он был «прекрасный». Не говоря о том, что развитие земледельческой культуры у черкесов и недавних кочевников ногайцев был разным, бесленеевское земледелие считалось отменным даже относительно его уровня в других черкесских областях [Сталь 2014: 346]. Но такую вероятность, конечно, исключить нельзя. Однако стоит подчеркнуть, что отсутствие у кабардинцев «хлеба» объяснялось не постигшим их хозяйства неурожаем, а продолжительными военными действиями в центре Кабарды и последующими потрясениями, связанными с переселением на левобережную Кубань. Поэтому забота об обеспечении жизненными припасами в контексте обозначенной решимости к продолжению радикального противодействия имперскому натиску носила актуальный характер для всей системы шхагских политий. В этом контексте очевидно, что вне зависимости от полученного в 1822 г. урожая вовлечение бесленеевцев в приобретение хлеба вышеуказанным способом выступает дополнительной иллюстрацией их «совместничества» с кабардинскими хаджретами.

Понимание прочности шхагского альянса проступает в реакции их соседей – ногайцев (которые, судя по всему, в этот период не были индифферентны к Шхагскому содружеству) на русское предложение выступить против хаджретов. Ногайцы, уклоняясь от навязываемой активности и проявляя дипломатичность, отвечали на это, что «кабардинцы перешли за Кубань в большом числе, **имеют поддержку в других враждебных вам народах**, и бороться с ними мы не в состоянии (выделено нами. – Т.А.)» [Потто 1904: 102]. Принимая во внимание, что в этот период мигранты из Кабарды оседали в Абадзехии, Кемиргое, Махоше и, вероятно Хатукае, и контингенты из этих областей в той или иной мере были задействованы в военных инициативах хаджретов понятно, что под «враждебными народами» наряду с жителями шхагских политий скорее всего подразумевались и кяхские агрегации. Но «поддержка» со стороны последних имела определенные, индицируемые со стороны и операционально значимые (для противника) отличия. Во всяком случае российское командование, в стремлении погасить хаджретский очаг сопротивления на кубанском левобережье прибегало к ощутимо различающимся тактикам при взаимодействии с кяхскими и шхагскими контрагентами. Показательно в этом плане обращение генерала Вельяминова к владельческому князю Кемиргоя Болотоко Мисосту: «С прискорбием услышал я, что на землях ваших поселились некоторые из беглых кабардинцев. Как истинный приятель ваш, желающий вам добра, спешу предварить вас, что люди сии будут причиною разорения владений ваших, если вы не заставите их удалиться из оных. Войска наши везде будут отыскивать их, и тот народ, между коим найдутся кабардинцы, потерпит наравне с ними... Обдумайте это, любезнейший приятель мой, и я уверен, что вы не захотите жертвовать истинными выгодами вашими, пустому тщеславию быть покровителем беглых мошенников» [Потто 1904: 136]. Как по содержанию, так и по интонации данный документ предстает как весьма информативный источник. Не вдаваясь в его детальный анализ обратим внимание на статус, который автор приписывает своему адресату. В его глазах последний – «покровитель», а «нагрянувшие» в его княжество «беглые мошенники», соответственно, клиенты. По этой причине Вельяминов расценивал своего визави в качестве единственного субъекта правомочного решить вопрос с хаджретами. На фоне этого обстоятельства адресация «прокламации» составленной в этот же период к «Закубанским ногайцам, бесленеевцам, башильбаям, абазинцам и кабардинским беглецам, находящимся за Кубанью» [Потто 1904: 143] зримо оттеняет признание российским

командованием продолжающейся дееспособности Шхагского содружества, обладающего консолидированной субъектностью.

Таким образом, рассмотрение сюжетов, связанных с присутствием на левобережной Кубани кабардинского села Маргъущей накануне и в период военной кампании 1822 г., а также анализ модусов активации потенциала кабардино-бесленевского содружества в контексте охватившего регион миграционного движения, позволяют сделать вывод о том, что Маргъущей, как узловой пункт, и Шхагское содружество левобережной Кубани выступили ключевыми акторами хаджретской эвакуации 1822 г.

Список источников

Алов 2020 – Алов Т.Х. Становление хаджретского палладиума: Маргъущей («Маргъушевский аул») в 1804–1819 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 217–223. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-217-223.

Петрунина 2010 – Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. 743 с.

Потто 1904 – Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1904. 590 с.

Ракович 1900 – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия: юбилейный выпуск / сост. Д.В. Ракович; под ред. ген.-майора В.А. Потто. Тифлис, 1900. 396 с.

Сталь 2014 – Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Черкесия. Вып. 17. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 331–339.

Трансформация... 2017 – Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках 1732–1892. Серия «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.

References

ALOEVA T.H. *Stanovlenie hadzhretskogo palladiuma: Marg'ushchej* («Margushevskij aul») v 1804–1819 gg. [Making hadjretian palladium: Margushey («Margushian village») in 1804–1819]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 6 (98). P. 217–223. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-217-223. (In Russian)

PETRUNINA O.E. *Grecheskaya naciya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. Oчерki politicheskogo razvitiya* [Greece nation and state in XVIII–XX centuries. Essays of political development]. Moscow: KDU, 2010. 743 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Uverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Establishment of russian power in Caucasus]. Vol. III. Ch. 2. Tiflis: Printing house of the Headquarters of the Caucasian military district, 1904. 590 p. (In Russian)

RAKOVICH D.V. *Tenginskij polk na Kavkaze. 1819–1846. Pravyj flang, Persiya, Chernomorskaya beregovaya liniya: yubilejnyj vypusk* [Tenginian regiment in Caucasus. 1819–1846. Right flang, Persia, Chernomorian coastal line: anniversary issue] / composer D.V. Rakovich; edited by major-general V.A. Potto. Tiflis, 1900. 396 p. (In Russian)

STAL' K. *Etnograficheskij oчерk cherkesskogo naroda* [Ethnographic essays of chircassian nation]. IN: *Kavkaz. Cherkesiya* [Caucasus. Chircassia]. Issue 17. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2014. P. 331–339. (In Russian)

Transformaciya obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah 1732–1892 [Transformation of social-politic design of nations of Central and Western Caucasus in sources of 1732–1892]. Series «Life, personalities, history of the Caucasus in sources». Issue 6 / compiled by R.K. Karmov. Nalchik: Print Center, 2017. 204 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Средневековой и Новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – candidate of historical sciences, senior researcher of the medieval and modern history sector.

Статья поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 05.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.